

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-
ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

ОРГАН СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ БССР

Неман

10

1977

ОКТАБРЬ

26-й год издания

ПРОШЛОЕ ДОЛЖНО СЛУЖИТЬ СОВРЕМЕННОСТИ!

Издавна установилась тесная и плодотворная дружба между русскими, украинскими и белорусскими учеными. В послевоенное время она все более углубляется и расширяется, способствуя взаимному обогащению новыми идеями, методикой и приемами исследования. Русские и украинские ученые оказывают значительную помощь в подготовке научных кадров для Белоруссии, при обсуждении важнейших проблем теории и истории литературы. В свою очередь белорусские ученые принимают непосредственное участие в создании капитальных трудов, предпринимаемых научно-исследовательскими центрами Москвы и других городов нашей Родины.

Ярким примером такого содружества могут служить проведенные в Минске Институтом русской литературы Академии наук СССР, Институтом литературы им. Я. Купалы Академии наук БССР, Белорусским государственным университетом им. В. И. Ленина, Минским педагогическим институтом им. А. М. Горького и Институтом литературы им. Т. Г. Шевченко Академии наук УССР научные Чтения по истории литературы и культуры Древней Руси и Белоруссии.

Основная направленность их заключалась в пропаганде лучших достижений древней, это значит материнской, литературы наших народов эпохи Средневековья. Деловая встреча ученых трех братских республик, посвященная изучению культурного наследия далекого прошлого, приобрела весьма актуальный характер и проходила под знаком укрепления единства русского, украинского и белорусского народов.

Во время Чтений выступили с докладами: лауреат Государственных премий, академик Д. С. Лихачев, член-корреспондент АН СССР В. Г. Базанов, доктора филологических наук Л. А. Дмитриев, Я. С. Лурье, А. М. Панченко, О. В. Творогов (Ленинград), В. Л. Микитась (Киев), Н. М. Гринчик (Гомель), А. А. Семенович (Минск), кандидаты филологических наук С. А. Белоброва, Н. Ф. Дробленкова, Н. С. Демкова, Р. П. Дмитриева, Г. М. Прохоров, М. В. Рождественская, М. А. Салмина (Ленинград), В. П. Колосова (Киев), А. Ф. Коршунов, А. И. Мальдис, В. А. Чемерицкий (Минск), научные сотрудники Д. М. Буланин, В. В. Бударрагин (Ленинград) и В. И. Дорошкевич (Минск).

Чтения проходили в аудиториях университета и пединститута. Встреча виднейших ученых-литературоведов России, Украины и Белоруссии с преподавателями и студентами белорусских вузов имела большое познавательное и воспитательное значение. Последние получили возможность живого общения с авторами книг.

Публикуемая ниже статья академика Д. С. Лихачева является его выступлением на Чтениях.

Ю. С. ПШИРКОВ,
доктор филологических наук, профессор

Русские, белорусы и украинцы не только родные по происхождению, по языку, по современной культуре. У нас общее великое прошлое, период в триста лет, XI—XIII вв., общий для наших литератур. Это период полного единства, когда не представляло даже важности, где создан тот или иной памятник — в Киеве, в Новгороде, во Владимире Залесском, в Турове или в Полоцке. Это период, когда наша общая литература жила единой любовью к общей родной Руси, едиными идеями, едиными интересами, едиными художественными принципами, едиными связями с литературами южных славян и Византии.

Мы — народы-братья, и у нас одна любимая мать — древняя Русь. Мы должны особенно беречь и изучать эту нашу общую, материнскую литературу, литературу XI—XIII вв., ибо это память о нашей общей матери, во многом определившей последующее развитие братских литератур и все последующие наши литературные связи. Мне хотелось бы дать почувствовать, какой замечательной в художественном отношении была эта материнская литература, какой она была великой и великолепной.

В свое время в книге «Человек в литературе древней Руси» я ввел понятие монументально-исторического стиля для изображения человека в древнерусской литературе XI—XIII вв. Я стремился показать особенности изображения человека в ту эпоху.

Сейчас я хочу говорить о стиле литературы в целом (не только в изображении человека), о стиле, связанном со стилем живописи, архитектуры, науки того времени, о стиле, охватывавшем всю культуру общего нам (белорусам, русским и украинцам) времени — о том, что можно было бы назвать не «направлением», а, по удачному выражению югославского ученого Александра Флакера, «стилистической формацией».

Несколько слов о том, что я называю «стилем». Я имею в виду не стиль языка писателя, а стиль в искусствоведческом смысле этого слова, охватывающий собой и язык, и композицию, и тематику произведения, и художественный взгляд на мир и т. д. Неправильно представлять себе стиль как форму — стиль охватывает собой и содержание, и идеи произведения.

Стиль — это некоторое единство, как бы кристаллическая порода всякого искусства, в котором по одному элементу можно определить и все остальные, узнать «ex ungue leonem» — «по когтям льва».

Для определения стиля огромное значение имеет нахождение его «доминанты» — доминанты стиля. Для XI—XIII вв. эта доминанта состоит в том, что в этот период эстетически ценным признается все, что воспринято в больших дистанциях —

пространственных, исторических, иерархических и, соответственно, все церемониальное, все освещенное и освященное с больших дистанций пространства, времени и ценностей иерархии.

В это время развивается своеобразное «ландшафтное зрение». Все события рассматриваются как бы с огромной, заоблачной высоты. Вспомните, как ведут свой рассказ летописи («Повесть временных лет», Киевская, Ростово-суздальско-владимирская, новгородские и др.). Действие перекидывается из одной географической точки Руси в другую (из Киева в Новгород, затем в Галич, во Владимир Волынский, в Полоцк и др.). И это характерно не только для летописи. Ту же особенность мы видим в «Поучении» Владимира Мономаха, в «Слове о полку Игореве», в «Слове о погибели Русской земли».

Даже само творчество как бы требовало того же пространственного характера. Произведения создавались в разных географических пунктах. Многие произведения писались несколькими авторами в разных концах Русской земли. Летописи все время перевозились с места на место и повсюду дополнялись местными записями. Происходил интенсивнейший обмен историческими сведениями между Новгородом и Киевом, Киевом и Черниговом, Черниговом и Полоцком, Переяславом Русским и Переяславом Залесским, Владимиром Залесским с Владимиром Волынским. В обмен летописными сведениями были втянуты самые отдаленные пункты Руси. Летописцы как бы искали друг друга за сотни верст. И нет ничего более неправильного, как представлять себе летописцев отрешенными от жизни и замкнутыми в тиши своих тесных келий. Кельи могли и быть, но ощущали летописцы себя в пространстве всей Руси.

Некоторые произведения возникли из переписки, которая велась между книжными центрами, отстоявшими друг от друга на огромные расстояния. Из переписки, ведшейся двумя авторами, один из которых жил в Киеве, а другой во Владимире Залесском, возник великолепный памятник древнерусской литературы Киево-печерский патерик. Переписка с сыном Мстиславом отразилась в «Поучении» Владимира Мономаха. Связь Киева и Владимира Залесского ощутима в словах Серапиона Владимирского. Связь Северо-востока с Галицко-Волынской Русью в Житии Александра Невского. Последнее было написано на севере галицким автором. Бывало и так, что книга писалась в Новгороде, а переплеталась в Киеве, начинала писаться в Киеве, а продолжала писаться в далекой Тмутаракани на берегу Черного моря (летописание Никона летописца).

Этим же чувством пространства объясняется особый интерес в древней Руси

к жанру «хождений». Напомню, что к материнскому периоду наших литератур принадлежит и лучший памятник этих «хождений» — «Хождение игумена Даниила Черниговского в Святую землю».

Литература Руси XI—XIII вв. в целом — это своеобразное «хождение». Завязываются связи с Византией, Болгарией, Сербией, Чехией и Моравией, делаются переводы со многих языков. Это литература, «открытая» для переноса в нее многих произведений с юго-запада и запада Европы. Ее границы с соседними литературами очень условны.

Мы представляем себе монументальность как нечто неподвижное, косное, тяжелое. Монументализм X—XVII вв. иной. Это монументализм силы, а сила — это масса в передвижении. Поэтому Мономах в своем «Поучении» постоянно говорит о своих походах и переездах. Поэтому и в летописи события — это события в движении — походы, переезды князя из одного княжения в другое.

В этих условиях становятся понятными и некоторые черты «Слова о полку Игореве». «Слово» охватывает огромные пространства. Битва с половцами воспринимается как космическое явление. Пение славы «вьется» с Дуная через море до Киева. Плач Ярославны обращен к солнцу, ветру, Днепру. Поэтому такое значение приобретают в художественной ткани «Слова о полку Игореве» птицы, их перелеты на огромные расстояния. Там, где динамизм — там всегда приобретает особое значение время, история.

В древней Руси имели огромное значение исторические сочинения: летописи, исторические повести, жития. Литература повествовала только о том, что по мысли их авторов было, существовало в прошлом, — **вернее происходило** в прошлом, совершалось. Поэтому для того чтобы показать значительность события, надо было его сравнить с большими событиями прошлого: ветхозаветного, новозаветного или с прошлыми событиями истории древней Руси: «такого не бывало еще от Владимира Старого».

Сравнения с событиями, происшедшими при дедах, пример дедов и отцов — постоянны в летописях, как и слава дедов и прадедов. Вспомните обращение киевлян к Владимиру Мономаху или вспомните «Слово о полку Игореве», «Слово о погибели» и многие другие произведения древней Руси.

По-настоящему определить значительность событий настоящего можно только на фоне больших периодов истории. И чем значительнее современность, тем больший период времени необходим для ее оценки.

Итак, «дистанция» — дистанция во времени и пространстве. Но феодальное общество было организовано иерархически, и поэтому требовалась еще одна дистанция — иерархическая.

Героями литературных произведений древней Руси были по преимуществу люди высоких иерархических положений: князья, иерархи церкви или «иерархи духа»: выдающиеся храбрецы или святые; люди, занимающие высокое положение, даже конкретно высокое: в «Слове о полку Игореве» — высоко на горах Киевских (Святослав Киевский) или высоко на золотом столе в Галиче (Ярослав Осмомысл). От этого особая церемониальность литературы, ее праздничная парадность, этикетность. Даже смерть изображается в литературе с церемониальным оттенком. Вспомните смерть Бориса и Глеба или описание смертей многих князей.

Это была литература «церемониального обряжения жизни». Обратите внимание — какое значительное место эта церемониальность занимает в «Слове о полку Игореве»: пение славы, плач, парад «сведомых кметей курян». В церемониальных положениях описаны Ярослав Осмомысл и Святослав Киевский. Даже разгадывание сна боярами — это своеобразная церемония. Вся древнерусская литература этого периода была литературой церемониального обряжения действительности. Именно этим объясняется, что в литературных произведениях действие воспринималось прежде всего как **процессия**. Огромную роль в произведениях занимали перечисления — церемониальная полнота. Это может быть продемонстрировано на многих примерах.

Каковы же исторические основы этого стиля? Откуда он взялся, почему так сразу овладел эстетическим мировоззрением эпохи и в чем его значение?

Стиль этот общий для древней Руси и южных славян. В нем не было ничего «изобретенного» и он был органически связан с действительностью древней Руси. Произошла смена формаций. От патриархально-родовой Русь перешла к феодальной. Произошла смена религий. Страх перед стихийными силами природы, типичный для язычества, в значительной мере прошел. Явилось сознание того, что природа дружелюбна человеку, что она служит человеку. Это с особенной силой выражено в «Поучении» Мономаха. Поэтому окружающее перестало только пугать человека. Человек «расправил плечи». Перед человеком обнаружилось пространство — соседние страны — Византия и Болгария в первую очередь. Обнаружилась глубина истории. Исторические события не были «спрессованы» в одном условном «эпическом времени», а распределились хронологически. Появилось летосчисление. Вот почему такое значение приобрела хронологическая канва в летописи и в исторических произведениях. Прошлое оказалось длительным. Время преодолело замкнутость годового цикла, которым было ограничено язычество.

Историческое значение стиля монументального историзма чрезвычайно велико. Широкий взгляд на мир и историю позволил ярче ощущать единство всей обширной Руси в период, когда политические и экономические связи между отдельными областями ослабели.

Идеология единства, сознание исторической общности и в последующее время в течение всего средневековья питалось теми силами, которые были «взяты в запас» в этот замечательный период, при жизни нашей общей матери—древней Руси.

Стиль монументального историзма еще долго выражался в наших древних литературах—древнерусской, древнебелорусской и древнеукраинской, выполняя ве-

ликую историческую миссию, служа идее единства наших народов, конкретно напоминая о единстве всей огромной территории древней Руси в самой широкой исторической перспективе.

И мы не должны забывать об этой великой миссии стилистической формации монументального историзма. Повторяю, мы должны быть благодарны нашей общей матери—древней Руси, ее литературе, ее искусству.

Мы должны быть благодарными сыновьями нашей великой матери—древней Руси.

Прошлое должно служить современности!

г. Ленинград.

